

Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)
Тюменский государственный университет
(Тюмень)

ЕВРАЗИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ПОСТСОВЕТСКАЯ АПОЛОГИЯ ИЛИ УТОПИЯ УНИВЕРСАЛИЗМА?*

В статье описана работа дискуссионной панели, организованной в рамках XVI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Баланс интересов в праве». Отмечается, что универсализация и регионализация – двуединый процесс, а не противоположные тренды. Глобализированный мир не оставляет иного пути, кроме разноформатной интеграции в широком смысле слова для включения государств во всеобщую повестку и для продвижения национальных интересов. Современное международное право требует объединения усилий правительств на основе баланса национальных интересов между собой, с одной стороны, и с интересами международного сообщества – с другой. Универсальность если и утопична, то как нормативная цель, требующая последовательности и уступок.

Евразийские идеи в правовом варианте, в том числе в области прав человека, подчинены общим задачам универсальности, выражающим интересы международного сообщества. Любые локальные проекты не должны выстраиваться на оппозиции требованиям современного международного права, а должны именно дополнять их. Местнические инициативы из разряда «особого пути» обречены: человечество к настоящему времени уже прошло слишком долгий путь ценой исполинских усилий, чтобы «пересоздавать» в целом неплохо работающую систему в угоду политической конъюнктуре или «переписывать» отработанные стандарты (например, правозащитные) под настроения отдельных национальных лидеров.

Ключевые слова: универсализация, регионализация, Евразия, интеграция, правозащитный механизм, ШОС, ЕАЭС, международное право

Для цитирования

Безбородов Ю. С., Лихачев М. А. Евразийский регионализм: постсоветская апология или утопия универсализма? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_4.

УДК 341.176

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_4

Ключевая тема проведенной в начале лета 2023 г. XVI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса – «Баланс интересов в праве». Направление панельной дискуссии, организованной в рамках Конгресса кафедрой международного и европейского права УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, вторит заявленной тематике: оно посвящено оценке потенциала евразийской интеграции, в первую очередь в сфере прав человека и в вопросах экологического сотрудничества. Процесс такой интеграции связан с неоднозначными и даже противоречивыми интересами

реальных и потенциальных акторов: после выхода РФ из Совета Европы для нас актуально участие в региональном правозащитном механизме [Международное право 2023: 345]; для государств евразийского региона такая выгода и даже заинтересованность в проекте неочевидны. Как показывает практика, евразийские партнеры крайне осторожно идут на усиление сотрудничества с РФ в неэкономической сфере.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00874. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00874/>.

Научное сообщество центрально-азиатских государств не пришло к консенсусу относительно необходимости и даже целесообразности развития правозащитного вектора евразийской интеграции [Оганесян 2019: 83–85]. Осторожность в формулировке темы панельной дискуссии даст коллегам из Центральной Азии большую свободу в оценке правозащитных инициатив на евразийском пространстве.

«Апология» и «утопия» в названии дискуссии – не эмоциональные и тем более не ироничные характеристики, а узнаваемые любым международником маркеры проблемы. Предложенное название обыгрывает наименование фундаментального труда авторитетного международника Марти Коскенниemi по проблемам международно-правовой аргументации – «*From Apology to Utopia*» [Koskenniemi 2005]. Его публикация – знаковая веха постмодернизма в международном праве и международных отношениях. Именно этим совершенно прозрачным в среде международников намеком организаторы задали дискуссии постмодернистский тон.

Парадоксом последних десятилетий в международно-правовом измерении является одновременное существование двух противоположных тенденций – универсализма и регионализма. Эти две тенденции пронизывают всю социальную реальность и все международное право как проявление этой реальности. Разная социальная сущность, разная скорость и степень интенсивности сотрудничества государств – вот что подпитывает регионализацию и притормаживает общие процессы универсализации. Там, где универсальный подход оказывается неэффективным и дает явные сбои, там, где государствам сложно добиться согласия по глобальным проблемам, верх берет регионализм [Безбородов 2020: 47].

В международном праве, регулирующем отношения в первую очередь между суверенными государствами и сохраняющем преимущественно публично-правовую природу¹, сложно выстроить научно беспристрастный баланс интересов, не увлекшись политологическим анализом. Дабы нивелировать или хотя бы снизить такие риски,

организаторы панельной дискуссии сосредоточились на балансе международно-правовых интересов в аспекте соотношения универсализма и регионализма (существуют интересы универсальные, свойственные всему мировому сообществу, и региональные, характерные для конкретного региона).

Панельная дискуссия была выстроена вокруг двух блоков для обсуждения с двумя спикерами в каждом. Первый посвящен особенностям сотрудничества на постсоветском пространстве, а второй – евразийскому региональному механизму защиты прав человека, его возможностям в текущих реалиях².

Модератором первого блока выступил профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева Юрий Сергеевич Безбородов. Первым направлением для научного анализа и дискуссии стали евразийское пространство, особенности межгосударственного взаимодействия в нем и готовность государств перейти от декларативных форм сотрудничества к интеграционным. Основным спикером заявленного направления выступил профессор Казанского (Приволжского) федерального университета Руستم Шамилевич Давлетгильдеев.

Евразийский регион имеет особое геополитическое значение и потенциал в связи с включением в него некоторых крупнейших во всех смыслах акторов-государств, за счет своей территориальной протяженности и самой существенной физической основы – популяции, а также вследствие своей неоднородности и нестабильности – экономической, политической и идеологической [Marochkin, Bezborodov 2022].

В доктрине международного права не сложилось единого мнения о существовании и наполнении как евразийского, так и постсоветского пространства. Евразийский регион является в большей степени географическим, поэтому в науке не возникает особых трудностей с определением его границ, как в случае с постсоветским регионом, поскольку его первичная характеристика – геополитическая.

Некоторые исследователи полагают, что постсоветского пространства как отдельно-

¹ PCIJ. The Case of the S. S. «Lotus» (France v. Turkey). Judgment of 7 September 1927 // URL: <https://documents.law.yale.edu/sites/default/files/SS%20Lotus%20-%20PCIJ%20-%201927.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).

² Деловая программа XVI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // URL: <https://lawcongress.ru/programma/delovaya-programma/> (дата обращения: 06.05.2023).

го региона не существует, другие считают, что постсоветское пространство существовать перестало, а третьи склонны предполагать, что оно находится в процессе распада. В качестве доказательства заключений об отсутствии постсоветского пространства как такового часто приводят тот факт, что на данной территории у государств внешнеполитические ориентиры достаточно разновекторные. Одни стремятся к евразийской интеграции и видят свое будущее в сотрудничестве с Российской Федерацией, другие тяготеют к Западу, у третьих внешнеполитические ориентиры весьма размыты: в разные периоды своей истории они видели в качестве партнеров и США со странами Запада, и Россию, и Китай. В любом случае потребность в сотрудничестве в этом регионе очевидна, и проявляется она в создании межправительственных блоков, в том числе интеграционных.

Государство-локомотив региональной интеграции должно интенсифицировать работу по наполнению нормативного массива в рамках ЕАЭС прежде всего

Страны-члены СНГ унаследовали от бывшего СССР ряд системных связей, которые объективно подталкивают их к воссозданию в новых условиях комплекса международных хозяйственных связей интеграционного типа. Вместе с тем на постсоветском пространстве наблюдаются смешение различных интеграционных и дезинтеграционных факторов, активное противодействие процессам сближения (в том числе правового) постсоветского пространства как вне этих государств, так и внутри них, обострение отношений между странами Запада и Российской Федерацией.

Тщательно проанализировав особенности сотрудничества государств на евразийском и постсоветском пространстве, Р. Ш. Давлетгильдеев пришел к выводу о том, что такое сотрудничество, в том числе в рамках интеграции, во многом осуществляется по принципу ситуативного регулирования. И действительно, основной особенностью правовой интеграции постсоветского пространства является то, что этот процесс проходит в большей степени в институциональных формах,

нежели в нормативных. В рамках дискуссии были обозначены важные для международного права маркеры, связанные с оценкой качества сотрудничества государств (произошел ли переход от деклараций к интеграции?). Кроме того, был поставлен значимый для юридической доктрины вопрос: может ли в принципе интеграция быть политическим инструментом, или это инструмент сугубо экономический?

Сегодня апогеем интеграционных процессов на постсоветском пространстве является ЕАЭС – региональная международная организация интеграционного толка, которая охватывает постсоветский регион и выходит за его рамки. Совершенно оправданно обсуждение особенностей сотрудничества государств в рамках панельной дискуссии расширило географические рамки и вышло на новый – евразийский – уровень. Благодаря ключевому докладу профессора Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина Натальи Александровны Соколовой акцент обсуждения международно-правовых проблем сместился в область ЕАЭС и того, как работают евразийские стандарты в международных экологических отношениях. Подвергнув анализу такую узкую сферу сотрудничества государств в рамках ЕАЭС, как сфера экологии, Н. А. Соколова достаточно критично оценила качество такого сотрудничества, однако увидела положительные перспективы для Российской Федерации в этих процессах: государство-локомотив региональной интеграции должно интенсифицировать работу по наполнению нормативного массива в рамках ЕАЭС прежде всего. Положительных перспектив у правовой интеграции постсоветского и евразийского пространства только две: или усиление нормативной составляющей правовой интеграции, оформленной в настоящее время в ЕАЭС, или же построение новых интеграционных блоков, что называется, «с нуля». Первое направление, очевидно, является самым приоритетным и жизнеспособным.

Второй блок панельной дискуссии (повторим) был посвящен евразийскому региональному механизму защиты прав человека: возможностям его построения и реалиям функционирования. Модератором стал профессор Тюменского государственного

университета Сергей Юрьевич Марочкин. С докладами выступили доцент Сибирского федерального университета Валентина Владимировна Терешкова и доцент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева Максим Александрович Лихачев. В. В. Терешкова представила оценку прикладных аспектов учреждения и деятельности возможного регионального правозащитного механизма (институциональные решения, каталог прав человека). М. А. Лихачев с более общих позиций сосредоточился на проблеме универсальности прав человека (необходимость таковой, ее условия).

В. В. Терешкова обратила внимание на преобладание релятивистской риторики в политическом дискурсе государств-участников евразийских интеграционных проектов. Так, глава внешнеполитического ведомства Китая Цинь Ган прямо заявлял, что «...с учетом различий культур, традиций, конкретных национальных особенностей и стремлений народов стран мира модели осуществления прав человека по единым лекалам вообще не бывает»¹.

Конституционная практика государств-членов ШОС и БРИКС оставляет противоречивое ощущение: далеко не все национальные конституции признают за правами человека высшую ценность. Стратегические документы ШОС хотя и упоминают права человека как конструкцию, все же смещают акцент в пользу отдельных прав в области культурного сотрудничества. Идентичный перечень прав вовсе не гарантирует единообразия в их содержании: в этом смысле обманчиво сходство Конвенции СНГ о правах человека и Европейской конвенции по правам человека.

Среди возможных механизмов защиты прав человека предпочтение следует отдавать суду как органу, состоящему из независимых компетентных членов и принимающему юридически обязательные решения. Рекомендации несудебных органов малоэффективны, да и универсальные механизмы в этой части справляются со своей задачей. Некоторым потенциалом в правозащитном направлении обладает Суд Евразийского экономического союза, формальных препятствий для доступа к нему индивидов нет. Однако такой

Суд все-таки создавался для рассмотрения специальных экономических споров и изначально обладает ограниченными наднациональными полномочиями. Подобное расширение компетенции Суда ЕАЭС потребует не только внесения изменений в учредительные документы, но и пересмотра подходов к квалификации судей, процедуре их избрания, применяемых Судом методов толкования международно-правовых норм и выстраивания неизбежного и необходимого диалога с национальными судами в части установления правозащитных стандартов.

М. А. Лихачев обратился к историческим истокам идеи прав человека. Во-первых, эта идея глубоко европоцентрична по происхождению и по содержанию. Во-вторых, такая европоцентричность не исключает возможности существования универсальных прав человека.

Современная международно-правовая концепция прав человека берет начало в либерально-гуманистических идеях эпохи Ренессанса и последовавшей за ним эпохи Просвещения [Толстых 2016: 48; Haas 2014: 26–30; Koskenniemi 2018: 41–42; Shelton 2013: 2]. На тот же период XIV–XVI вв. пришлось формирование современного государства [Cassese 2014: 50]. В этих условиях права человека рождаются как дискурсивный инструмент построения и структурирования отношений человека и государства [Трудоблюбов 2015: 112–113; Шайо, Уитц 2021: 459, 493–497].

Другой важный фактор становления идеи прав человека – христианская идеология. «Возрождение связало богоподобие человека и вездесущность Бога» в идее человеческого достоинства [Толстых 2016: 53], а гуманизм Просвещения возвел человека на Олимп, обозначив его превосходство в природном разуме и неотчуждаемой свободе [Braidotti 2013: 13–14].

Несмотря на выраженную европоцентричность правозащитной концепции, важно то, каким образом во второй половине XX в. она универсализировалась. Показательна в этом плане история создания Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: в подготовке ее текста принимали участие представители условных западного и восточного миров [Nowak 2022], а при голосовании в Генеральной Ассамблее ни один из тогдашних 56 членов ООН не решился проголосовать против [Green 2018].

¹ Цинь Ган выступил с видеообращением на сегменте высокого уровня 52-й сессии Совета ООН по правам человека // URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230301_11033362.html (дата обращения: 06.05.2023).

Еще одно основание современной правозащитной концепции – идея преследования преступлений против человечности. Криминализация преступлений государства против собственного населения бесспорно разрушила герметичность национального правопорядка: «жестокости, совершенные в отношении гражданского населения» влекут индивидуальную ответственность вне зависимости от положений внутреннего права (ст. 6 «с» Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге). В основании криминализации такого поведения лежат представления об универсальной общечеловеческой морали, диктующей необходимость защиты человека и его высшую ценность [Верле 2011: 6–8]¹.

Во второй половине XX в. права человека вышли за рамки отдельной, пусть и важной предметной сферы межгосударственного сотрудничества, став дискурсивным средством, пригодным для применения и необходимым в любой международно-правовой области. Сегодня права человека – это элемент глобальной повестки в сфере безопасности, фактор защиты окружающей среды и борьбы с экологическим кризисом, направление региональной интеграции, цель и инструмент международного уголовного правосудия.

Несмотря на это, достаточно сторонников так называемого правового релятивизма, отрицающих саму возможность универсального понимания прав человека. Одна из причин такого релятивизма – упрек в адрес прав человека в их политизированности [Kolb, Kilibarda, 2022; Бенуа 2009: 339]. Однако их имманентная политизированность определяет их высокую гибкость. Отсюда и применимые техники для определения содержания прав

¹ См. также: *Murphy S. D. Crimes Against Humanity. International Law Commission. First Report on Crimes Against Humanity. 2015 // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_680.pdf (дата обращения: 06.05.2023).*

человека в конкретной ситуации: балансирование частного и публичного интереса, частных интересов, поле усмотрения государства, межгосударственный консенсус, эволютивное (динамичное) толкование, пропорциональность ограничения, субсидиарность [Харрис, О'Бойл, Уорбрик 2021: 8–27; Shany 2018: 14–19].

Апеллируют к релятивизму чаще всего государства с сомнительным правозащитным бэкграундом и уж явно не для расширения гарантий свободы своих граждан [Велижев, Атнашев, Зорин 2018: 9–10]. Решить проблему культурного разнообразия можно за счет просветительских усилий государственной пропаганды и решительной защиты интересов меньшинств от диктата большинства [Binderup 2022: 29–33].

Зато текущая практика применения прав человека в качестве риторического приема и референтной точки для обсуждения прав корпораций, животных, природы вообще [Kauffman, Martin 2018: 46–47; Jones 2021: 84–85, 87, 90] свидетельствует о том, сама правозащитная идея давно переросла проблему собственной универсальности: якобы права человека универсальны настолько, что теперь пришло время с их помощью защищать сущности не-человеческие.

Едва ли универсальность прав человека – эмпирическая реальность. Скорее, это нормативное притязание, задающее динамику социально-правового и политического развития. В этом смысле универсальные права человека – реальная ценность международного правопорядка и необходимое условие его существования. Признание ценности человеческого достоинства, вызванное трагическими лишениями мировых войн и тоталитарного прошлого, диктует безальтернативность универсального правозащитного дискурса и равенства человека перед международным правом.

Список литературы

Binderup L. G. Universalism and (Cultural) Relativism // Elgar Encyclopedia of Human Rights. 2022. URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 06.05.2023).

Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.

Cassese A. States: Rise and Decline of the Primary Subject of International Community // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 39–70.

Green C. 70 Years of Impact: Insights on the Universal Declaration of Human Rights. 2018 // URL: <https://unfoundation.org/blog/post/70-years-of-impact-insights-on-the-universal-declaration-of-human-rights/> (дата обращения: 06.05.2023).

Haas M. International Human Rights. A Comprehensive Introduction. 2nd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2014, 663 p.

Jones E. Posthuman International Law and the Rights of Nature // Journal of Human Rights and the Environment. 2021. Vol. 12. P. 76–102.

Kauffman C. M., Martin P. L. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand // Global Environmental Politics. 2018. Vol. 18. P. 43–62.

Kolb R., Kilibarda P. Human Rights and Humanitarian Law // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2022. URL: <https://opil.ouplaw.com/home/MPIL> (дата обращения: 06.05.2023).

Koskeniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 704 p.

Koskeniemi M. Rights, History, Critique // Human Rights: Moral or Political? / ed. by A. Stinson. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 41–61.

Marochkin S., Bezborodov Yu. The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. L.; N. Y.: Routledge, 2022. 262 p. DOI: 10.4324/9781003170617.

Nowak M. Universal Declaration of Human Rights // Elgar Encyclopedia of Human Rights. 2022. URL: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (дата обращения: 06.05.2023).

Shany Y. The Universality of Human Rights: Pragmatism Meets Idealism. N. Y.: The Jacob Blaustein Institute for the Advancement of Human Rights, 2018. 52 p.

Shelton D. Introduction // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / ed. by D. Shelton. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 1–8.

Безбородов Ю. С. Методы и формы правовой конвергенции в международном праве: моногр. М.: Проспект, 2020. 240 с.

Бенуа А. де. Против либерализма: к Четвертой политической теории. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.

Велижев М. Б., Атнашев Т. М., Зорин А. Л. «Особый путь»: от идеологии к методу. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 488 с.

Верле Г. Принципы международного уголовного права. Одесса: Фенікс; М.: ТрансЛит, 2011. 910 с.

Международное право: учеб. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 656 с. DOI: 10.12737/1983247.

Оганесян Т. «Азиатские ценности» и их роль в становлении субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // Международное правосудие. 2019. № 1. С. 81–92.

Толстых В. Л. Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека // Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61.

Трудолюбов М. Люди за забором: частное пространство, власть и собственность в России. М.: Нов. изд-во, 2015. 246 с.

Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М.: Развитие правовых систем, 2021. 1432 с.

Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы: введение в юридический конституционализм. М.: Ин-т права и публич. политики, 2021. 579 с.

Юрий Сергеевич Безбородов – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: yury.bezborodov@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5782-417X

Максим Александрович Лихачев – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; научный сотрудник Тюменского государственного университета. 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: m.a.likhachev@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-7848-5007

Eurasian Regionalism: Post-Soviet Apology or Utopia of Universalism?

The authors describe the work of the discussion panel organized within the framework of the XVI session of the European-Asian Legal Congress «Balance of Interests in Law». It is stated, that universalization and regionalization are not contradictory trends but a two-fold process. There is no other way to be included in the global agenda and to advance national interests than multifaceted integration lato sensu. The modern international law demands states to balance their national interests with one another and them all with the interests of the international community. Even if utopian, universality is a normative aim to be followed consistently and decisively.

Eurasian ideas about law and human rights are inferior to the requirements of the universality and interests of the international community. All regional projects should not be opposed to the demands of international law but should implement and enhance international standards. Parochial initiatives are of no prospect: too much has been done and paid to reach the current stage of universality in international law to give in to demands of reconsideration and reconstruction of universal standards (despite proper critique of their vagueness and weakness) and whims of national authoritative powers.

Keywords: universalization, regionalization, Eurasia, integration, human rights mechanism, SCO, EAEU, international law

Recommended citation

Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A. Evraziiskii regionalizm: postsovetskaya apologiya ili utopiya universalizma? [Eurasian Regionalism: Post-Soviet Apology or Utopia of Universalism?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 4–11, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_4.

References

Benua A. de. *Protiv liberalizma: k Chetvertoi politicheskoi teorii* [Against Liberalism: Towards a Fourth Political Theory], Saint Petersburg, Amfora, 2009, 476 p.

Bezborodov Yu. S. *Metody i formy pravovoi konvergentsii v mezhdunarodnom prave* [Methods and Forms of Legal Convergence in International Law], Moscow, Prospekt, 2020, 240 p.

Binderup L. G. *Universalism and (Cultural) Relativism*, *Elgar Encyclopedia of Human Rights*, 2022, available at: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (accessed: 06.05.2023).

Braidotti R. *The Posthuman*, Cambridge, Polity Press, 2013, 229 p.

Cassese A. *States: Rise and Decline of the Primary Subject of International Community*, Fassbender B., Peters A. (eds.) *The Oxford Handbook of the History of International Law*, Oxford, Oxford University Press, 2014, pp. 39–70.

Green C. *70 Years of Impact: Insights on the Universal Declaration of Human Rights*, 2018, available at: <https://unfoundation.org/blog/post/70-years-of-impact-insights-on-the-universal-declaration-of-human-rights/> (accessed: 06.05.2023).

Haas M. *International Human Rights. A Comprehensive Introduction*, London, New York, Routledge, 2014, 663 p.

Jones E. Posthuman International Law and the Rights of Nature, *Journal of Human Rights and the Environment*, 2021, vol. 12, pp. 76–102.

Kauffman C. M., Martin P. L. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand, *Global Environmental Politics*, 2018, vol. 18, pp. 43–62.

Kharris D., O'Boil M., Uorbrik K. *Pravo Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [The Law of the European Convention on Human Rights], Moscow, Razvitie pravovykh sistem, 2021, 1432 p.

Kolb R., Kilibarda P. *Human Rights and Humanitarian Law*, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, 2022, available at: <https://opil.ouplaw.com/home/MPIL> (accessed: 06.05.2023).

Koskenniemi M. *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*, Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 704 p.

Koskenniemi M. *Rights, History, Critique*, Stinson A. (ed.) *Human Rights: Moral or Political?* Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 41–61.

Lazutin L. A., Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 656 p., DOI: 10.12737/1983247.

Marochkin S., Bezborodov Yu. *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*, London, New York, Routledge, 2022, 262 p., DOI: 10.4324/9781003170617.

Nowak M. *Universal Declaration of Human Rights*, *Elgar Encyclopedia of Human Rights*, 2022, available at: <https://www.elgaronline.com/display/book/9781789903621/9781789903621.xml> (accessed: 06.05.2023).

Oganesyan T. «Aziatskie tsennosti» i ikh rol' v stanovlenii subregional'noi sistemy zashchity prav cheloveka v Azii [«Asian Values» and their Role in the Emergence of a Sub-Regional Human Rights Protection System in Asia], *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2019, no. 1, pp. 81–92.

Shaio A., Uitts R. *Konstitutsiya svobody: vvedenie v yuridicheskii konstitutsionalizm* [The Constitution of Liberty: An Introduction to Legal Constitutionalism], Moscow, In-t prava i publich. politiki, 2021, 579 p.

Shany Y. *The Universality of Human Rights: Pragmatism Meets Idealism*, New York, The Jacob Blaustein Institute for the Advancement of Human Rights, 2018, 52 p.

Shelton D. *Introduction, The Oxford Handbook of International Human Rights Law*, Oxford, Oxford University Press, 2013, pp. 1–8.

Tolstykh V. L. *Renessansnoe ponimanie dostoinstva i ego vliyanie na sovremennuyu kontseptsiyu prav cheloveka* [Renaissance Understanding of Dignity and Its Influence on Modern Conception of Human Rights], *Pravovedenie*, 2016, no. 2, pp. 48–61.

Trudolyubov M. *Lyudi za zaborom: chastnoe prostranstvo, vlast' i sobstvennost' v Rossii* [People Behind the Fence: Private Space, Power and Property in Russia], Moscow, Nov. izd-vo, 2015, 246 p.

Velizhev M. B., Atnashev T. M., Zorin A. L. «Osobyi put'»: ot ideologii k metodu [The Particular Way: From Ideology to Method], Moscow, Nov. lit. obozrenie, 2018, 488 p.

Verle G. *Printsipy mezhdunarodnogo ugovnogo prava* [Principles of International Criminal Law], Odessa, Feniks, Moscow, TransLit, 2011, 910 p.

Yurii Bezborodov – doctor of juridical sciences, professor of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21; leading researcher, Tyumen State University. 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6. E-mail: yury.bezborodov@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-5782-417X

Maksim Likhachev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21; researcher, Tyumen State University. 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6. E-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-7848-5007

Дата поступления в редакцию / Received: 28.06.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023